

ASSOCIATES PROGRAM

In grateful recognition
of

John L. Warden
Class of 1962

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи. . . . . В. В. Бауера.

Борьба великаго князя Кіевскаго Святослава
Игоревича съ императоромъ Іоанномъ
Цинисхіемъ . . . . . Е. А. Бялова.

Стрѣлецкіе бунты . . . . . М. Ц. Погодина.

О методѣ ученой разработки историческихъ
источниковъ . . . . . Д. Я. Самокусова.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ вре-
менъ до XVIII вѣка. (Продолженіе) . . . І. І. Первольфа.

Наша педагогическая литература:

«Школьная жизнь». Еженедѣльный педагогическій
журналъ, издаваемый г. Столянскимъ. Первый
годъ (учебный) 1877/78. С.-Пб. . . . . С. И. Миropольскаго.

Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемір-
ной выставкѣ . . . . . И. И. Белярминова.

Обѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обще-
ствомъ г. министру народнаго просвѣ-
щенія.

Открытіе четвертой С.-Петербургской про-
гимназіи.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университетовъ
б) низшихъ училищъ и в) учитель-
скихъ школъ.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки).

БОРЬБА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ІОАННОМЪ ЦИМИСХІЕМЪ.

(Посвящается П. И. Мельникову).

Въ 1843 году изданъ трудъ А. Д. Черткова „Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ отъ 967 по 971-й годъ“; трудъ это весьма почтенный, ибо покойный Чертковъ возбудилъ своими примѣчаніями весьма сильное сомнѣніе въ правдивости греческихъ историковъ, или лучше сказать, лѣтописцевъ-риторовъ. Въ нихъ мѣстахъ онъ пытался, и болѣею частію весьма удачно, сопоставить греческое лѣтописное сказаніе съ нашею лѣтописью. Другой нашъ ученый, А. О. Гильфердингъ, также нынѣ ужъ покойный, въ своей „Исторіи Болгаръ (Полное Собраніе Сочиненій, т. I. 1868 года), кажется, первый воспользовался трудомъ Черткова и представилъ походъ Святослава совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ является у Карамзина и С. М. Соловьева. Но Чертковъ не сдѣлалъ въ своемъ трудѣ опредѣленнаго и положительнаго вывода, а Гильфердингъ коснулся похода Святослава мимоходомъ, какъ-бы вскользь, хотя и представилъ, съ своей стороны, весьма важныя соображенія, значительно уяснившія дѣло. Мы беремъ смѣлость, такъ-сказать, продолжить дѣло А. Гильфердинга и сдѣлать обстоятельное сопоставленіе павѣстій греческихъ лѣтописцевъ, Льва Діакона и Кедрина, съ нашею лѣтописью. Читатель увидитъ, гдѣ, вслѣдствіе нашихъ соображеній, мы отступили отъ мнѣній Гильфердинга и пришли, какъ полагаемъ, къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Греческими лѣтописцами мы пользовались въ переводѣ Д. Попова („Исторія Льва Діакона Калойскаго“, С.-Пб. 1820) и А. Д. Черткова, сравнивая его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ подлинникомъ ¹⁾).

---

¹⁾ При этомъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что, если труды такихъ ученыхъ, какъ Чертковъ и Гильфердингъ, дѣлятся только немногими специали-

Походъ Святослава собственно въ Болгарію и двукратное завоеваніе ея Святославомъ весьма удовлетворительно и обстоятельно разказаны Гильфердингомъ; но нельзя то же самое сказать о борьбѣ Святослава съ Іоанномъ Цмисхіемъ,—поэтому на нее то мы и обращаемъ вниманіе читателя въ настоящей статьѣ.

Совершенно справедливо говорить Чертковъ, что „разказъ о Болгарской войнѣ у Византійцевъ, въ отношеніи къ исторической критикѣ, есть то же, что описаніе Пуническихъ войнъ у Римлянъ. Ни Руссы, ни Карагегяне не оставили намъ собственныхъ своихъ повѣствованій, по которымъ мы могли бы провѣрить то, что передали намъ враги ихъ. Поэтому и малѣйшій намекъ въ нашихъ лѣтописяхъ

стами, то для публики они, и даже результаты ихъ, пропадаютъ почти даромъ, благодаря тому обстоятельству, что журнальная литература, а за нею и учебная, совершенно игнорируетъ ихъ или относится къ нимъ съ страннымъ предубиженіемъ. Нагляднымъ примѣромъ этому служитъ вопросъ объ Іоаннѣ Гусѣ. Г. Новиковъ въ своемъ изслѣдованіи «Гусъ и Лютеръ», Гильердингъ въ своей статьѣ объ Іоаннѣ Гусѣ (Заря 1869 года) представили нѣскими осязательными доказательства близости ученія Гуса къ восточному православію: указано было на путешествіе Іеронима, Гусова друга, въ Псковъ и Витебскъ, приведены были подлинныя слова приговора Костиницкаго собора о томъ, что Іеронимъ отдавалъ предпочтеніе восточному православію передъ римскимъ католицизмомъ, указано было, что Гусъ защищалъ еще прежде и Іеронима и царство Славянъ отъ нападковъ одного Вѣнскаго богослова; мало того, указаны были сношенія одного изъ любимыхъ учениковъ Гуса съ Константинопольскою церковью, и приведена грамота Константинопольскаго духовенства, признававшая ученіе Гуса православнымъ, — и что же? Не мѣсто здѣсь слѣдить за яростію, съ которою журналы наши напали на этотъ неотразимый фактъ! Даже не потрудились разобрать въ чемъ дѣло! Привыкли съ дѣтства считать Гуса послѣдователемъ Виллеама, не хотѣли и выкинуть, что было общаго между Гусомъ и Виллеафомъ, и въ чемъ они расходились. Это, кажется, зависѣло отчасти и отъ того, что съ собственнымъ непосредственнымъ ученіемъ Гуса смѣшали ученіе таборитовъ, которое было даже отъ ученія Гуса, чѣмъ ученіе анабаптистовъ отъ ученія Лютера! Не разобрать дѣла, одинъ изъ нашихъ журналовъ, не задумываясь, называть негодяями или идиотами людей, распространившихъ мнѣніе, что Гусово ученіе было возвращеніе къ восточному православію. Мы привели примѣры крупный и рѣзкій: въ мнѣе крупныхъ примѣрахъ отношеніе къ вопросамъ, которые ставятъ не только русская, но и славянская наука,—такое же, то-есть, отличается невѣжественною нетерпимостію. Этой то невѣжественной нетерпимости и слѣдуетъ приписать, что многія основательныя и глубокія замѣчанія писателей, извѣстныхъ подъ именемъ славянофиловъ, пропадаютъ даромъ для нашей науки и просвѣщенія: вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло научно-спокойно и отдѣлать то, что въ этихъ мнѣніяхъ носитъ печать увлеченія, на нихъ накладываются съ какими-то дикими остервененіемъ.

о Болгарской войнѣ долженъ былъ для насъ драгоцененъ, если онъ сообразенъ съ общимъ ходомъ дѣлъ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились обѣ сражавшіяся стороны". Но не смотря на это вѣрное положеніе, Чертковъ не могъ прійти къ положительнымъ результатамъ, ибо самъ себѣ поставилъ преграду, сказавъ, что „Несторъ описываетъ весьма кратко нападеніе Руссовъ на Болгарію и войну съ Греками и молчитъ о неудачахъ". Эта недовѣрчивость къ правдивости русской лѣтописи помѣшала Черткову глубже взглянуть на дѣло и лишила его трудъ законченности. Можно въ чемъ угодно упрекать наши лѣтописи—въ сухости, въ краткости; но нѣтъ никакого повода сказать, чтобы наши древнѣйшія лѣтописи утаивали *неудачи* изъ ложнаго патріотизма. Развѣ молчатъ наши лѣтописи о пораженіяхъ, которыя Русскіе терпѣли со стороны Половцевъ и Татаръ? Развѣ умолчено пораженіе Игоря Святославича Сѣверскаго? О немъ не только не умолчали, но оно вдохновило пѣвца о полку Игоревомъ. Отъ чего же бы лѣтопись умолчала о неудачахъ Святослава Игоревича? Отъ чего-бъ она выказала ложный патріотизмъ относительно событій такого отдаленнаго времени? Въ лѣтописи—явный пропускъ, и пропускъ этотъ начинается послѣ словъ: „възя же и дары многы и възвратися въ Переяславѣцъ съ похвалою великою" до словъ: „видѣвъ же мало дружины" и проч.,—однимъ словомъ, пропущена вся борьба Святослава съ Цимисхіемъ въ Болгаріи. Но отъ чего зависѣлъ этотъ пропускъ? Это могло зависѣть отъ многихъ причинъ, совершенно случайныхъ; кто знаетъ, въ какомъ видѣ переходили древнѣйшіе списки, до насъ не дошедшіе? А вѣроятноже, этотъ пропускъ зависѣлъ и отъ неполноты источниковъ, дошедшихъ до перваго лѣтописца. Извѣстія же отчасти доходили до него и въ видѣ изустныхъ преданій, и въ героическихъ пѣсняхъ; въ изложеніи его встрѣчаются и запутанность, и пропуски; но въ общемъ оно правдиво, какъ постараемся мы убѣдить читателя, ибо вполне „сообразно съ общимъ ходомъ дѣлъ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились обѣ сражавшіяся стороны".

По свидѣтельству Льва Діакона, Іоаннъ Цимисхій, съ самаго вступленія своего на престолъ, былъ весьма озабоченъ дѣлами Болгаріи, гдѣ утвердился Святославъ. Іоаннъ отправилъ къ Святославу посольство съ предложеніемъ оставить Болгарію и съ обѣщаніемъ выдать плату, которую назначилъ уже покойный императоръ Никифоръ. Естественно было Цимисхію желать отдѣлаться отъ Святослава мирнымъ образомъ, ибо въ то время, когда Руссы и союз-

ники ихъ Печенѣги и Мадьяры не разъ переходили Балканы и страшно опустошали Фракію, гдѣ городъ Филиппополь былъ почти скрытъ до основанія,—въ Азіи дѣла принимали серіозный оборотъ, и обнаруживались попытки свергнуть Іоанна съ престола. Зналъ ли Святославъ о затруднительномъ положеніи своего врага, или просто по обыкновенной своей самоувѣренности, только, по свидѣтельству того же Льва Діакона, онъ требовалъ громадной суммы и выкупа завоеванныхъ городовъ, совѣтуя Грекамъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, оставить Европу и переселиться въ Азію. Іоаннъ Цамискій отправилъ къ Святославу другое посольство. На этотъ разъ Іоаннъ велѣлъ напомнить о несчастномъ походѣ Игоря и пригрозить Святославу, что онъ вступить въ Болгарію со всѣми силами имперіи. Святославъ отвѣчалъ, что не зачѣмъ беспокоиться императору, скоро онъ самъ раскинетъ свои палатки передъ воротами Царьграда ¹⁾. Этотъ отвѣтъ совпадаетъ со словами нашей лѣтописи: „и посла къ Грекомъ глаголя: „Хощю на вы ити, и взяти городъ вашъ, яко и сій“, то-есть, Переяславль Дунайскій. О переговорахъ же и нашъ лѣтописецъ говоритъ въ такой формѣ: Греки хотѣли узнать число и враговъ и прибѣгли къ хитрости, столь обыкновенной въ сношеніяхъ ихъ съ варварами. „И ркоша Гръци: „Мы недужи противу вамъ стати; но возьми дань на насъ и на дружину свою, и повѣжьте ны сколько васъ, да вдамы по числу на головы“. Се же ркоша Гръци льстяче похъ Русью: суть бо Гръци мудри и до сего дни. И рече имъ Святославъ: „Есть насъ 20 тысящ“. И прерче 10 тысящ: бѣ бо Руси 10 тысящ толко. И пристроиша Гръци 100 тысящ на Святослава и не даша дани“.

Это мѣсто, безъ сомнѣнія, относится къ переговорамъ, о которыхъ говорятъ греческіе лѣтописцы, и о которыхъ мы сейчасъ сказали. Это мѣсто, столь вѣрно изображающее и характеръ Грековъ, и просто-душіе Руссовъ, дышетъ правдивостію. Подъ наивною его формою можно, не говоря о согласіи съ греческими лѣтописцами, и по другимъ признакамъ открыть историческую достовѣрность фактовъ: во-первыхъ, Цамискію выгодно было узнать количество войска, предложъ же къ тому открывался прекрасный — дѣло шло, какъ видно изъ

¹⁾ На сей разъ дары не были взяты; но весьма странно, что грозный критикъ нашихъ лѣтописей, Шлецеръ, сердится за разказъ лѣтописца о дарахъ, называя оный «безразсуднымъ хвастовствомъ и глупою сказкою». Кромѣ Льва Діакона, и другіе источники подтверждаютъ эти сказки.

Льва Діакона, объ уплатѣ дани, обѣщанной Никифоромъ, а извѣстно, по прежнимъ договорамъ, что дань бралась на каждого война; восторыхъ, когда Святославъ потребовалъ огромной суммы, а войска, даже и съ прибавленіемъ, показалъ только двадцать тысячъ, то понятно, что Цимисхій не далъ дани и сталъ готовиться къ войнѣ. Видя неудачу переговоровъ и получивъ надменный отвѣтъ Святослава, Іоаннъ Цимисхій началъ готовиться къ войнѣ, и намѣреваясь самъ принять участіе въ оной, составилъ особенный отрядъ лейб-гвардіи изъ избранныхъ воиновъ, подъ именемъ бессмертныхъ. Но обстоятельства, а именно—тайныя крамолы, удерживали его въ Константинополѣ, и потому онъ приказалъ выступить Вардѣ Склиру, своему шурина и храбрѣйшему изъ полководцевъ его, вмѣстѣ съ патриціемъ Петромъ. Вардѣ Склиру и Петру удалось разбить передовой отрядъ Скиновъ, по всей вѣроятности—Печенѣговъ или Мадьяръ, союзниковъ Руси (Русь же византійскіе лѣтописцы называютъ, или собственнымъ именемъ, или Тавроскинами). Эта незначительная удача такъ ободрила Грековъ, что Іоаннъ отдалъ приказаніе Вардѣ провести зиму въ Болгаріи.

Затѣмъ главная битва произошла недалеко отъ Адрианополя. Посмотримъ, какъ объ этой битвѣ разказываютъ греческіе лѣтописцы, и какъ разказываетъ наша лѣтопись.

Левъ Діаконъ говоритъ, что войско Святослава состояло изъ 30.000, а войско Варды Склира изъ 10.000 человекъ. Варда раздѣлилъ свое войско на три отряда: съ однимъ выступилъ противъ непріятеля, а двумъ другимъ велѣлъ скрыться въ горахъ и лѣсахъ и напасть на врага, когда будетъ поданъ къ тому знакъ. Въ то время, когда успѣхъ битвы былъ еще сомнителенъ, и счастье ласкало попеременно обѣ стороны, Варда Склиръ приказалъ играть на трубахъ и бить въ литавры. По сему условленному знаку оба отряда, находившіеся въ засадѣ, выступили и зашли Скинамъ въ тылъ. Испуганные Скины оставили поле сраженія. У Грековъ было убито 55 человекъ, а Скины потеряли 20 тысячъ человекъ.

У Кедрина дѣло разказано яснѣе: —

Воинство варваровъ, говоритъ онъ, раздѣлялось на три части: первая состояла изъ Болгаръ и Руссовъ, вторая изъ Турокъ (Маджаръ) и третья изъ Печенѣговъ. Іоаннъ Аланасъ случайно встрѣтился съ тою, которую составляли Печенѣги, вступилъ съ ними въ сраженіе и началъ медленно отступать. Печенѣги были окружены и разбиты. Затѣмъ отражена была Греками конница, состоявшая изъ

Турокъ (Маджаръ), которая отступила къ пѣхотѣ, состоявшей, безъ сомнѣнія, изъ Руссовъ. *Домо сраженіе продолжалось съ равнымъ устьхомъ съ обѣихъ сторонъ.*

За этимъ многозначительнымъ мѣстомъ слѣдуетъ довольно хвастливый разказъ о томъ, какъ Варда Склиръ разсѣкъ на двое какого-то скинскаго вождя, а патрицій Константинъ отсѣкъ голову коня у другого Скиоа. Эти богатырскіе подвиги навели страхъ на Скиоовъ, они бѣжали и были преслѣдуемы до ночи.

Всматриваясь внимательно въ разказъ и Льва Діакона, и Кедрина, ясно видно, что оба они говорятъ только о битвахъ съ конницей и что одинъ изъ нихъ, Левъ Діаконъ, совсѣмъ умалчиваетъ о битвѣ съ пѣхотой, а другой, Кедринъ, говоритъ о столкновеніи съ пѣхотою вскользь, довольно глухо. Изъ его словъ можно только понять, что тутъ-то, при столкновеніи съ пѣхотой, и произошла главная, упорная битва. То-есть, говоря о столкновеніи съ конницей, они говорятъ только объ удачныхъ дѣлахъ Грековъ, а что Маджары, напримѣръ, потерпѣли большое пораженіе — это доказывается тѣмъ, что о нихъ въ эту войну болѣе не упоминается. Сраженіе же съ пѣхотою было неудачно, что и доказывается слѣдующими распоряженіями: „Такимъ образомъ кончилось сраженіе“, говоритъ Левъ Діаконъ; „императоръ Іоаннъ приказалъ азіатскимъ войскамъ *поскорѣе переправиться черезъ Геллеспонтъ* изъ Азіи въ Европу, зимовать на поляхъ еракійскихъ и македонскихъ, и ожидая весенняго времени, ежедневно упражняться въ ученіи, чтобы не сдѣлаться къ военнымъ подвигамъ неспособными и въ битвахъ не уступать въ храбрости неприятелю“. Хотя далѣе Левъ Діаконъ говоритъ, что императоръ обѣщалъ на слѣдующую весну лично прибыть къ войску и всѣми силами имперіи вести войну съ Скиоами, но до весны было еще далеко; зачѣмъ же такая торопливость, съ которою отдано было войскамъ приказаніе скорѣе переправляться черезъ Геллеспонтъ? Чтò означаютъ эти слова: упражненіями довести войска до такой степени, дабы они не уступали неприятелю въ храбрости? Передъ битвой Іоаннъ Цимисхій отдалъ приказаніе Вардѣ Склиру идти на зимовку въ Болгарію; зачѣмъ же *послѣ блистательной победы* походъ въ Болгарію откладывается до весны?

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были Іоанномъ Цимисхіемъ до полученія извѣстія о возстаніи сына Льва Куропалата, явившагося мстителемъ за смерть дяди своего, императора Никифора. „Правосудіе“, говорилъ Варда Фока, сынъ Куропалата, „нарекло меня мсти-

телемъ за кровь родныхъ, чтобъ я съ седмерицею вознаградилъ губителя знаменитаго и воинственнаго рода". Въ Азіи оказалось много людей, приверженныхъ къ памяти убитаго императора Никифора. Мы говоримъ это къ тому, что посылка въ Азію Варды Склира можетъ казаться особеннымъ знакомъ довѣрія къ военнымъ способностямъ этого полководца и какъ-бы доказательствомъ его побѣды надъ Руссами.

Но, вопервыхъ, удобно ли было самому Іоанну Цимисхію отправиться въ Азію, въ среду раздраженныхъ людей, гдѣ со стороны приверженцевъ убитаго имъ императора Никифора могли ожидать его адъ или кипжалъ? При такихъ обстоятельствахъ личное присутствіе въ Азіи императора Іоанна могло только усилить раздраженіе, чего онъ болѣе всего опасался, какъ видно изъ его распоряженій. Іоаннъ Цимисхій не отличался кротостію и добротою, какъ видно изъ кроваваго умерщвленія императора Никифора, а между тѣмъ, вопреки своему личному характеру и византійскому обычаю, онъ отдалъ своему полководцу такого рода приказаніе: „не осквернять земли, если можно, и если не будетъ крайней необходимости, не осквернять кровію гражданъ; *но склонять на свою сторону приверженцевъ главнаго возмутителя общаніями почестей, раздачею денегъ и утѣреніемъ въ совершенномъ прощеніи*". Онъ вручилъ Вардѣ Склиру грамоты съ золотыми царственными печатями, въ грамотахъ написаны были чины, и Варда Склиръ уполномоченъ былъ давать эти грамоты тѣмъ, которые оставать узурпатора и перейдутъ на службу своего государя". Итакъ, мы видимъ, что по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ самъ Іоаннъ не могъ туда отправиться и послалъ Варду Склира, какъ своего родственника, судьба котораго тѣсно была связана съ судьбою Цимисхія, слѣдовательно, на Варду Склира послѣдній могъ положиться. Вторыхъ, Іоаннъ Цимисхій долженъ былъ опасаться и за спокойствіе столицы, гдѣ его присутствіе было необходимо. Третьихъ, какъ полководецъ, Іоаннъ былъ выше Варды Склира, и пожалуй самъ отправился бы въ Азію; но въ Азіи требовались въ данную минуту не столько военныя дарованія, сколько умѣнье утишить страсти.

Гильфердингъ по поводу вышеприведенныхъ разказовъ замѣчаетъ, что ужъ одно показаніе о числѣ убитыхъ съ той и другой стороны (именно, что Греки потеряли 25 или 55 человѣкъ, а Руссы 20.000), указываетъ, что побѣда есть только хвастовство Грековъ. Онъ думаетъ, что побѣда была ничья; можетъ-быть, поэтому и дары Цимисхія, посланные Святославу, онъ относитъ ко времени до Адріано-

польской битвы. И то, и другое предположеніе не основательно: побѣда, какъ увидимъ сейчасъ, была на сторонѣ Руссовъ, а о дарахъ въ лѣтописи, передъ битвою съ Греками, прямо сказано „и не даша дани“.

Теперь посмотримъ, какъ эту битву описываетъ наша лѣтопись:

„И поиде Святославъ на Грѣки и изыдоша противъ Руси. Видѣвъ же Русь и убояшася зѣло множества вои. И рече Святославъ: „Уже намъ нѣкамо ся дѣти и волею и неволею стати противу: да не посрамимъ земли Русские, но лажема костью ту и мертвый бо сорома не имаеть; аще ле побѣгнемъ, то срамъ намъ, и не имамъ убѣгнуги; но станемъ крѣпко, ажъ же передъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, тоже промыслите о себѣ“. И рекоша вои: „Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы нѣши сложимъ“. И исполчихася Русь, и Грѣци противу и сразистася полки, и остуниша Грѣци Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и Грѣци побѣгоша. И поиде Святославъ воюя къ городу и другия города разбивая, нже стоятъ пусты и до днешняго дни“.

Что разказъ этотъ отнѣсится къ Адрианопольской битвѣ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: вопервыхъ, изъ словъ лѣтописи и „поиде Святославъ воюя къ городу и другия города разбивая“. Какіе же другіе города разорялъ Святославъ послѣ Доростольскихъ битвъ? „И поиде къ городу“, значитъ, пошелъ къ Царьграду или къ Адрианополю; во вторыхъ, за описаніемъ этой битвы слѣдуетъ извѣстный разказъ о дарахъ; третьихъ, изъ словъ „взя же и дары многы и възвратися въ Переяславѣцъ съ похвалою великою“. Въ этихъ словахъ прежде всего видно различіе съ вышеприведеннымъ мѣстомъ: „поиде воюя къ городу“, здѣсь прямо говорится о возвращеніи въ Переяславецъ, по полученіи даровъ.

Чертковъ сопоставляетъ рѣчь Святослава „уже намъ нѣкамо си дѣти“ съ рѣчью приводимою Львомъ Діакономъ, которую будто бы говорилъ Святославъ передъ шестою (четвертою) Доростольскою битвою. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ рѣчей есть сходство; такъ, у Льва Діакона Святославъ, между прочимъ, говоритъ: „Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но возвращаться побѣдителями или умирать со славою, совершивъ подвиги, достойные храбрыхъ людей“. Мы не будемъ останавливаться вмѣстѣ съ Чертковымъ на риторикѣ Льва Діакона и сравнивать ее съ простотою нашей лѣтописи, ибо для насъ важно нѣчто другое. Въ рѣчи, которую лѣтописецъ влагасть въ уста Святослава, явно дѣло идетъ о битвѣ въ открытомъ полѣ, о битвѣ, въ которой Руссы были окружены

врагами. Передъ Доростоломъ онъ не могъ сказать: „*тъкамо ся дѣти*“, ибо, въ случаѣ неудачи, всегда могъ укрыться въ стѣнахъ Доростола— не могъ сказать передъ Доростоломъ: „*и не имамъ убитыти*“. Последнія слова ясно относятся къ мѣсту отдаленному, къ такому мѣсту, близъ котораго не было пристанища. И въ самомъ дѣлѣ, изъ-подъ Адрианополя куда могла убѣжать Русь? Здѣсь бѣгство могло погубить ихъ окончательно.

Побѣда Святослава при Адрианополѣ, кромѣ вышеприведенныхъ распоряженій Іоанна Цимискіа, доказывается и единогласнымъ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и византійскихъ источниковъ о разореніи греческихъ городовъ послѣ этой битвы. Разница въ томъ, что греческіе источники приписываютъ опустошеніе Македоніи магистру Іоанну, смѣнившему Варду, человѣку чрезмѣрно лѣнивому и пьяному. Не будемъ оспаривать такой репутаціи у магистра Іоанна, хотя и удивительно, что пьяницу и лѣбтяя назначили на такой постъ, гдѣ требовалась неутомимая дѣятельность. Мы предложимъ такой вопросъ: могли ли Руссы такъ скоро оправиться, еслибъ они были разбиты, чтобы снова, сейчасъ же опустошить Македонію? Не забудемъ, что союзники Святослава, Печенѣги и Мадыары, дѣйствительно потерпѣли сильное пораженіе, а самъ Святославъ былъ далеко отъ родины? „Когда Скиѣны узнали объ отправленіи Варды Склира изъ Европы въ Азію, какъ я выше о семъ сказалъ, то начали опять сильно разорять римскія области; нечаянными своими набѣгами они опустошили и ограбили Македонію. Въ это время начальство надъ войскомъ ввѣрено было магистру Іоанну, человѣку преданному пьянству, лѣности и неспособному къ военнымъ предпріятіямъ. Вслѣдствіе этого предиримчивость и самонадѣянность Руссовъ достигла высочайшей степени. Императоръ, выведенный изъ терпѣнія ихъ наглою дерзостію и очевиднымъ къ нему презрѣніемъ, рѣшился собрать всѣ силы для отраженія непріятеля и, для предохраненія себя, посредствомъ битвы, отъ угрожавшей опасности“ и пр.

Еслибы при Адрианополѣ побѣда осталась на сторонѣ Грековъ, еслибы Руссы были разбиты, то какимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣщенія начальниковъ,—ибо войска, сражавшіяся подъ Адрианополемъ, остались въ Европѣ,—явилась угрожавшая императору и имперіи опасность? И отъ кого же? Отъ врага, разбитаго на голову! Противъ этого врага понадобилось собрать всѣ силы имперіи! Не забудемъ, что передъ Адрианопольскою битвой отдано было приказаніе Вардѣ вымовать въ Волгаріи; но что послѣ Адрианопольской битвы велѣно

было войскамъ изъ Азіи немедленно переправляться въ Европу! Все это подтверждаетъ слова нашей лѣтописи, что *одоуть Святославъ и Гръци побѣдоша*. Точно также подтверждаются и объясняются и дальнѣйшія слова лѣтописи: „и поиде Святославъ воюя къ городу и другія города разбивая, иже стоятъ пусты и до днешняго дни“. Вѣрность нашего лѣтописнаго извѣстія подтверждается и тѣмъ, что „битва съ Греками и раззореніе городовъ“ слѣдуетъ за извѣстіемъ о вторичномъ покореніи Болгаріи Святославомъ, что согласно и съ греческими извѣстіями, и съ ходомъ дѣлъ.

I.

Походъ Іоанна Цимисхія въ Болгарію ¹⁾.

Императоръ, собравъ всѣ сухопутныя силы имперіи, приказалъ друнгарію морскихъ силъ не только чинить старые корабли, но и строить новые. Громадныя приготовленія Цимисхія лучше всего служатъ доказательствомъ, какъ велика была опасность, которая грозила имперіи со стороны Святослава.

Итакъ, весною 971 года Цимисхій выступилъ въ походъ и сосредоточилъ сухопутныя свои силы въ Адрианополѣ, а флотъ отправилъ къ берегамъ Истра, чтобы преградить Руссамъ отступление. Распоряженіе это показываетъ, что императоръ рѣшился истребить врага въ концѣ.

Въ Адрианополѣ императоръ узналъ, что клизуры (*κλεισούρας, cli-surgas, quod quasi clausi sunt*), то-есть, ущелья, ведущія въ Валеканы, не заняты. Іоаннъ Цимисхій былъ очень удивленъ безпечностію врага. Онъ созвалъ военачальниковъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ поскорѣе занять ущелья; на эту рѣчь вмѣсто отвѣта послѣдовало глубокое молчаніе, ибо слова императора показались военачальникамъ дерзкими и безразсудными. Іоаннъ Цимисхій снова началъ убѣждать воспользоваться оплошностію врага, и чтобы ободрить вождей и воиновъ, рѣшился самъ выступить впередъ со своими безсмертными. Вопреки общему ожиданію, греческое войско

---

¹⁾ Между византійскими лѣтописцами, говоритъ Гильердингъ, есть нѣкоторое разногласіе въ хронологіи. Одни относятъ походъ Іоанна Цимисхія ко второму году его царствованія, къ 971, другіе—къ 972. Вопросъ этотъ рѣшить трудно, хотя было бы важно знать, какъ скоро Греки могли *оправиться* послѣ побѣды. Но такъ какъ Адрианопольская битва несомнѣнно была въ 970 году, то мы примемъ 971. годъ для похода въ Болгарію.

благополучно миновало клейзуръ, и выйдя изъ тѣсницъ, остановилось на холмѣ, укрѣпленномъ самою природою: это возвышеніе съ двухъ сторонъ было окружено рѣкою.

По поводу этого безпрепятственного перехода Іоанна Цимисхія черезъ Балканы, Гильфердингъ спрашиваетъ: „Куда дѣвалась передовая рать Святослава? Была ли она отрѣзана Цимисхіемъ и осталась въ сторонѣ, или бѣжала и не остановилась въ клизурахъ? Была ли тутъ какая измѣна?“ Собр. соч. А. Гильфердинга, (т. I, стр. 150). Мы думаемъ, что всѣ эти предположенія излишни, ибо у Византійцевъ нѣтъ и намека о передовой дружинѣ. Еслибъ она на сей разъ была разбита, то объ этомъ случаѣ не преминули бы протрубить византійскіе лѣтописцы. Вѣрнѣе предположеніе Черткова, что Святославъ былъ усыпленъ ласкательствами со стороны Цимисхія и не принялъ никакихъ мѣръ къ защитѣ клизуръ. А что ласкательства были, на это указываютъ дары, присланные Святославу послѣ Адрианопольской битвы, какъ замѣтили мы выше. Страхъ же греческихъ вождей и чрезвычайныя мѣры предосторожности, принятыя Іоанномъ Цимисхіемъ, по выходѣ изъ клизуръ, лучше всего опровергаютъ хвастливые рассказы византійскихъ лѣтописцевъ. Этотъ страхъ не показываетъ недавнихъ побѣдителей, но даетъ новое свидѣтельство въ пользу извѣстія нашей лѣтописи, что Греки подъ Адрианополемъ были разбиты. Съ другой стороны, оставленіе клизуръ не занятыми свидѣлствуетъ о побѣдѣ Святослава; ибо эта безпечность — безпечность побѣдителя, который не ожидалъ нападенія. И можно ли предположить, говорить Чертковъ, чтобы Руссы не заняли этого единственного пути въ Болгарію, еслибъ ожидали нападенія Грековъ? Конечно, самъ Святославъ со всѣми своими войсками встрѣтилъ бы Цимисхія у входа въ тѣснины и поразилъ бы его тамъ, гдѣ Греки всегда терпѣли поражение отъ Волгаръ (Походъ Игоря Святославича, стр. 51).

На другой день, по выходѣ изъ клизуръ, Іоаннъ Цимисхій двинулъ густыми фалангами свои войска къ Переяславию Балканскому. Звукъ трубъ, бой въ тимпаны и кимвалы, стукъ оружія во всѣхъ окрестностяхъ, возвѣщавшіе приближеніе греческаго войска, привели въ странное изумленіе Тавроскиновъ. Но Тавроскины быстро оправились отъ изумленія, и закрывшись своими крѣпкими и длинными до самыхъ ногъ щитами, выстроились передъ городомъ въ боевой порядокъ. Сначала бой длился съ равнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ; но атака безсмертныхъ сломила ряды Тавроскиновъ, ко-

торые отступили въ городъ. Руссы, запершись въ Переяславѣ, защищались отчаянно, и только ночь прекратила сраженіе. На другой день Греки, ободряемые самимъ императоромъ, послѣ отчаянныхъ усилій, взяли приступомъ городъ. Руссы отступили во дворецъ и отбиваясь съ большимъ успѣхомъ, навели на Грековъ такой ужасъ, что, по словамъ Кедрина, воины отказались идти на приступъ: тогда самъ императоръ, съ оружіемъ въ рукахъ, пошелъ впереди своихъ воиновъ. Воины бросились за нимъ; но и это усиліе ни къ чему не повело. Тогда Іоаннъ Цимисхій приказалъ зажечь дворецъ. Руссы вышли изъ горящаго зданія и снова начали бой: ни одинъ изъ нихъ не подавался назадъ, большая часть легла на мѣстѣ; но Сфенкель, вождь Руссовъ, съ небольшимъ отрядомъ пробился сквозь густыя греческія фаланги.

О числѣ Руссовъ въ Переяславѣ, Чертковъ дѣлаетъ слѣдующія остроумныя замѣчанія: „Кедринъ говоритъ, что 8.000 Руссовъ заняли царскій домъ и защищались въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ преданъ пламени. Мы знаемъ, что болгарскіе владыки имѣли дома въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ; но эти деревянные пріюты царей X вѣка, носившихъ овчинныя тулупы, могли ли быть больше домиковъ нашихъ степныхъ помѣщиковъ? И теперь всѣ дома, даже турецкихъ нашихъ, въ Болгаріи, ничто другое, какъ малороссійскія плетенныя хаты, обмазанныя снаружи глиною; что же было за десять вѣковъ прежде и при всегдшнемъ систематическомъ раззореніи задунайскихъ странъ Византіяцами?“ Далѣе Чертковъ заключаетъ, что и самое роковое число 8.000, не доказываетъ ли, что оно поставлено на угадъ; ибо 8.000 непріятелей выходятъ изъ Преславы, 8.000 убито въ первый день, 8.000 затворилось въ царскомъ дворцѣ, и всѣ эти 8.000 убиты во второй день!

Точно также Чертковъ остроумно опровергаетъ извѣстіе Кедрина, что Святославъ приходилъ на помощь къ Переяславу Балканскому: „Имѣлъ ли время Святославъ, стоявшій въ Доростолѣ, прійти на помощь къ Преславѣ Балканской и расположить свой станъ у осажденнаго города? Неужели Шлецеръ, приводящій эту выписку, не замѣтилъ всей нелѣпости разказа?“

Но кто таковъ былъ Сфенкель? Очень вѣроятно, что это былъ Свѣнелдъ, ибо имя его является въ первый разъ въ лѣтописи подъ 945 годомъ: за нѣсколько лѣтъ онъ могъ сдѣлаться воеводою, въ послѣдній же разъ имя Свѣнелда упоминается въ 977 году. Карамзинъ говоритъ, что имя Свѣнелда только въ новѣйшихъ спискахъ

встрѣчается подъ 914 годомъ; но К. Н. Бестужевъ-Рюминъ думаетъ, что тутъ только не у мѣста вставлено имя Свѣнелда и что оно должно быть отнесено ниже, къ 945 году.

Переименовавъ Переславу Иоаннополемъ и оставивъ въ этомъ городѣ гарнизонъ, Іоаннъ Цимискій двинулся къ Доростолу; на пути ему сдались Плискува, Динейя (Πλίσκουβαν καὶ Δινείαν) и другіе города, отложившіеся отъ власти Святослава. Это отложеніе вызвано было жестокими мѣрами Святослава. Левъ Діаконъ разсказываетъ, что онъ казнилъ 300 знатнѣйшихъ Болгаръ. Гильфердингъ предполагаетъ, что между Болгарами открытъ былъ какой-нибудь заговоръ. Узнавъ о приближеніи Іоанна Цимискія, Святославъ ни мало не смутился, и выступивъ изъ Доростола, послалъ передовой отрядъ Скиновъ, вѣроятно, Печенѣговъ, для развѣдыванія. Этотъ отрядъ, по словамъ Кедрина, былъ разбитъ Греками; но Левъ Діаконъ говоритъ, должно быть, о другой стычкѣ съ передовымъ отрядомъ Руссовъ: „Между тѣмъ какъ императоръ медленно подвигался впередъ, храбрѣйшіе изъ Руссовъ расположились въ скрытномъ мѣстѣ, и сдѣлавъ нападеніе на передовой отрядъ Римлянъ (такъ продолжали называть себя Византійцы), разбили его на голову. Императоръ, подойдя съ своею арміею къ этому пункту, приказалъ пѣхотному отряду осмотрѣть окружные лѣса и овраги. Во время этой рекогносцировки захвачено было нѣсколько Руссовъ, скрывавшихся въ означенныхъ оврагахъ и лѣсахъ. Іоаннъ Цимискій приказалъ ихъ немедленно умертвить“.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Доростола Іоаннъ Цимискій и его войска увидѣли Руссовъ, построившихся въ боевой порядокъ. Ихъ сомкнутый строй „казался стѣною изъ щитовъ и коній“; къ Руссамъ примкнулъ и возвратившійся передовой отрядъ Скиновъ (ἐνωθέντες δ' οἱ Σκοβαὶ τῷ Σφενδοσλάβῳ καὶ τοῦτον ἐχειθῆν ἀναστῆσαντες, то-есть, Скины были загнаны къ Святославу и поэтому поставлены въ боевой порядокъ съ остальнымъ его войскомъ; см. Кедрина). Но какъ построенъ былъ боевой порядокъ Римлянъ (Византійцевъ) въ этомъ сраженіи, это довольно трудно понять по описанію греческихъ лѣтописцевъ. Выходитъ такъ, что императоръ поставилъ *по обѣимъ крыламъ* конницу, а *сзади* пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука, которыми велѣлъ стрѣлять непрерывно. Вотъ въ подлинникѣ это мѣсто: Ρωμαῖους δὲ κατὰ μέτακων ἀντιτάξας ὁ βασιλεὺς, καὶ τοὺς πανσθενεῖς ἵππους, κατὰ θάτερων χεράς παραστήσας, τοὺς τε τοσούτους καὶ σφενδονήτας ἐξόπισθεν ἐπίστησας καὶ θάμινα βάλλειν ἐγκелеυσαμένου ἐπηγε τὴν φάλαγγα (Patrologiae cursus completus. Patrologiae graecae t. CXVIII,

Leo Diaconus, lib. VIII, p. 862). Какимъ образомъ, стоя позади, стрѣлки изъ лука и пращники могли стрѣлять непрерывно черезъ свою конницу? Вопреки буквальному смыслу словъ κατὰ βατερον χερας, нельзя ли перевести ихъ не *по обоимъ флангамъ*, а *вдоль фронта*, а слова καὶ βαρὶνα βάλλειν ἐχθαυζόμενος не *приказалъ стрѣлять непрерывно*, а *приказалъ выстрѣлить вдругъ*, то-есть, когда будетъ приказано? Тогда было-бъ яснѣе, что конница стояла впереди, а пѣхота сзади, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не принимала участія въ дѣлѣ. Слово βατερον не попало ли сюда случайно?

Впрочемъ сущность дѣла отъ этого не измѣняется: „Войска сошлись“, говоритъ Левъ Діаконъ, „и началась упорная, жесточайшая битва, которая долго оставалась въ совершенномъ равновѣсїи“. Двѣнадцать разъ, по свидѣтельству Кедрина, возобновлялась битва въ продолженіе дня. Вечеромъ императоръ собралъ всю свою конницу, приказалъ сдѣлать нападеніе, и какъ говоритъ Кедринъ, самъ первый бросилъ копье. Руссы, увидѣвъ, что нельзя взять верхъ отважнымъ нападеніемъ, разсыпались по равнинѣ, и конечно, этимъ маневромъ дѣло бы не кончилось, если бы ночь не прекратила битвы и не заставила Руссовъ вступить въ Доростолъ. Такъ кончилась первая битва подъ Доростоломъ.

Что послѣднее движеніе Руссовъ было простымъ маневромъ, это мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, у Славянъ этотъ маневръ былъ обыкновеннымъ, они были большіе мастера сражаться разсыпнымъ строемъ и часто, обратившись въ дритворное бѣгство, заманивали непріятеля въ засаду; во-вторыхъ, въ продолженіе дня и то, и другое войско не разъ обращалось въ бѣгство, но битва не прекращалась; в-третьихъ, изъ описанія Льва Діакона и Кедрина видно, что дѣло было къ ночи, и что сраженіе само собою должно было прекратиться, и на этотъ разъ маневръ Руссовъ далъ историкамъ возможность обратить проигранное Греками сраженіе, по случаю ночи, въ полную ихъ побѣду; в-четвертыхъ, это видно особенно изъ словъ Кедрина: μόλις οἱ Ρως ἀπειρήχοντες πρὸς τοὺς κιδόνους ἀκοσμή φυγῇ πρὸς τὸ πεδίον ἐσχιδόαντο, то-есть, едва Руссы примѣтили опасность, какъ въ безпорядочномъ бѣгствѣ разсѣялись по равнинѣ. Не явно ли это значить, что Руссы не сочли нужнымъ продолжать сраженіе далѣе? Опасность же состояла въ томъ, что имъ хотѣли съ тылу отрѣзать отступленіе.

Распоряженія Іоанна Цимисхія на другой день послѣ перваго сраженія опять-таки не доказываютъ, что Греки были побѣдителями; всѣ

эти распоряженія напротивъ показываютъ, что Іоаннъ Цимискій предвидѣлъ продолжительную и упорную борьбу. „Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, императоръ приказалъ обнести свой станъ крѣпкимъ валомъ. Передъ Доростоломъ находилась возвышенность, и на ней былъ разбитъ римскій станъ. Вокругъ этой возвышенности, по приказанію Іоанна, вырытъ былъ глубокій ровъ; землю, извлеченную изъ рва, насыпали на край его, въ видѣ вала, на вершинѣ котораго водрузили копья и на нихъ повѣсили щиты, то-есть, ровъ, валъ и щиты, на немъ утвержденные, составили вмѣстѣ ограду, не позволявшую непріятелямъ вторгаться въ римскій станъ. Такъ точно наши воины укрѣпляли всегда свои лагери въ непріятельскихъ земляхъ“ (Левъ Діаконъ по переводу Черткова, стр. 82). Все показываетъ величайшее опасеніе и отсутствіе надежды на скорую побѣду, и слова, прибавленные Львомъ Діакономъ: „такъ точно наши воины укрѣпляли свои лагери въ непріятельскихъ земляхъ“, служатъ какъ-бы оправданіемъ этихъ чрезвычайныхъ предосторожностей. Но для кого прибавлены эти слова? Всѣмъ извѣстно, повторяемъ мы, что предосторожность—дѣло великое на войнѣ; но зачѣмъ же, послѣ побѣды, послѣ страшнаго пораженія врага, бѣжавшаго безъ оглядки въ стѣны Доростола, потерявшаго множество воиновъ, обращать свой лагерь въ крѣпость? Лагерь стоялъ на возвышенности; но этого казалось мало,—его окапываютъ рвомъ и защищаютъ валомъ, который прикрываютъ щитами! Положимъ, что Римляне всегда такъ укрѣпляли свой лагерь, вступая въ непріятельскую землю; но здѣсь ровъ и валъ были бы не нужны, если бы дѣйствительно Руссы потерпѣли пораженіе. Тѣмъ болѣе были бы не пужны эти оборонительныя мѣры, что Волгарское поселеніе, по свидѣтельству греческихъ лѣтописцевъ, стояло за Грековъ, и что императоръ съ часу на часъ ожидалъ появленія своего флота съ огнеизвергающими триремами. Но императоръ ждалъ упорной, продолжительной борьбы и опасался пораженія. Свидѣтельствуемъ ли все это о побѣдѣ?

Укрѣпивъ свой станъ, императоръ повелъ свои войска на приступъ, но потерпѣлъ неудачу. Эта неудача явно уменьшена у Льва Діакона; вотъ что онъ говоритъ: „Скиѣн бросали на Римлянъ съ башенъ стрѣлы, камни и все, чѣмъ могли имъ вредить. Наши защищались только стрѣлами, пращами, и то снизу. Этою перестрѣлкой окончилось сраженіе! Римляне отступили въ свой станъ, для подкрѣпленія себя пищею“. Не видно, чтобы битва продолжалась долго, и чтобы византійскіе войска были очень утомлены; поэтому то и удиви-

тѣло, что такъ скоро понадобилось Римлянамъ „подкрѣпить себя пищею“.

Вечеромъ того же дня появился изъ Доростола отрядъ конныхъ воиновъ, который Левъ Діаконъ называетъ Скиѣми, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ удивленіе, что *Скиѣи* появились въ первый разъ на коняхъ. Дѣло идетъ, конечно, о Тавроскиѣяхъ, то-есть, Руссахъ, которые всегда сражались пѣшіе. Въ то же время на Истрѣ показался греческій флотъ съ огнеизвергающими триремами. Руссы знали, по преданію объ Игорѣ, дѣйствіе этихъ огнеизвергающихъ триремъ и потому причалили свои ладьи къ городскимъ стѣнамъ. Эту стычку Чертковъ называетъ второю битвою.

На другой день послѣ прибытія флота, Руссы, покрытые бронями и кольчугами, съ длинными до самыхъ ногъ щитами, выступили изъ города. Битва, по свидѣтельству Льва Діакона, долго оставалась сомнительною, и только пораженные смертію Сфенкела, Скиѣи стали отступать къ городскимъ воротамъ. Тогда императоръ и своимъ войскамъ отдалъ приказъ отступать. Кедринъ же говоритъ, что, не смотря на смерть Сфенкела, Руссы всю ночь и весь слѣдующій день оставались на мѣстѣ битвы! По Кедрину видно, что Руссы отступили, увидя, что имъ заходятъ въ тылъ! Эта была уже третья битва.

Смерть Сфенкела, то-есть, Свѣнелда,—явный вымыселъ; но Льву Діакону нужно было чѣмъ-нибудь убѣдить читателей въ пораженіи Руссовъ. Несомнѣнно, что третья битва кончилась ничѣмъ. До какой степени преувеличенія доходятъ греческіе лѣтописцы, видно на каждомъ шагѣ; Кедринъ, напримѣръ, говоритъ, что Святославъ приказалъ заключить въ *оковы* 20.000 Болгаръ.

Сраженіе, которое Чертковъ называетъ четвертымъ, правильнѣе было бы назвать, простою вылазкою. Руссы, по свидѣтельству Льва Діакона, много терпѣли отъ камне-метательныхъ орудій и рѣшились ихъ сжечь. Въ этой вылазкѣ убитъ начальникъ стражи, охранявшей означенныя орудія, родственникъ императора Іоаннъ Куркуасъ, котораго Руссы приняли было за самого Цимисхія.

Левъ Діаконъ ничего не говоритъ о преслѣдованіи Руссовъ; Кедринъ же говоритъ, что Римляне прогнали Руссовъ въ городъ. Но разумѣется, Руссамъ, сжегши машины, ничего болѣе не оставалось дѣлать, и они удалились въ городъ. Вотъ была бы побѣда со стороны Грековъ, если бы Руссамъ отрѣзали отступление, тѣмъ болѣе что и такъ-называемое четвертое сраженіе, подобно второму, было

незначительною ошибкою вслѣдствіе вылазки. По нашему мнѣнію, было только *четыре* большія сраженія: *первое, третье, пятое и шестое*.

Пятая битва (по нашему третья), произошла на другой день послѣ гибели Куркуаса. Руссы, одушевленные, по словамъ Льва Діакона, удачною вылазкою, на другой день послѣ нея выступили изъ Доростола, подъ предводительствомъ какого-то Икмора (лица едва-ли не баснословнаго). Левъ Діаконъ называетъ Икмора первымъ послѣ Святослава начальникомъ; но если бы такое лицо существовало, то лѣтописцы наши не забыли бы его. Одинъ изъ тѣлохранителей Цимискія, по имени Анемасъ, отрубилъ Икмору голову вмѣстѣ съ правою рукою. Левъ Діаконъ говоритъ, что смерть Икмора вызвала крики въ обоихъ ополченіяхъ, и что Римляне удвоили усилія и сдѣлали натискъ, котораго будто бы Руссы не выдержали. Пораженные смертію своего начальника, Руссы, по его словамъ, закинувъ щиты за спину, возвратились въ городъ. Изъ этихъ словъ видно только, что Руссы спокойно отступили въ городъ. Кедринъ же рассказываетъ, что Руссы бѣжали и что самъ Святославъ едва не попался въ плѣнъ, что и случилось бы, если бы ночь не прекратила сраженія. Въ этихъ немногихъ словахъ два большія противорѣчія: во-первыхъ, самъ же Кедринъ, согласно съ Львомъ Діакономъ, говоритъ, что Руссами въ этотъ день начальствовалъ Икморъ, слѣдовательно, Святослава не было, что подтверждается и молчаніемъ объ этомъ обстоятельстве Льва Діакона; а во-вторыхъ, изъ словъ самого же Кедрина видно, что Руссы стояли до ночи, что опровергаетъ его разказъ о бѣгствѣ ихъ съ поля сраженія. Эта битва была, какъ видно, одною изъ самыхъ упорныхъ. Кедринъ говоритъ, что Римляне между трупами убитыхъ наши женщины, которыя въ мужскомъ одѣяніи сражались столь же храбро, какъ и мужья ихъ. Большія потери подтверждаются и ночью тризною, которую описываетъ Левъ Діаконъ: „Ночью, при появленіи полной луны, непріатели вышли изъ города на поле сраженія, собрали тамъ своихъ убитыхъ воиновъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, разложенныхъ у стѣнъ. Въ это же время они, по обычаю своему, предали смерти множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ; совершая свою кровавую тризну, Руссы топили въ водахъ Истра грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ“. Въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе „множество плѣнныхъ“. Откуда взялось это множество плѣнныхъ? Не о Болгарахъ же идетъ здѣсь рѣчь; ибо въ такомъ случаѣ Левъ Діаконъ выразился бы отчетливѣе.

II.

**Послѣдняя битва (шестая по Черткову, по нашему — четвертая)
24-го іюля 971 года.**

Если вѣрить Кедрину, то Руссы, выступили изъ Доростола подѣ предводительствомъ самого Святослава и затворили за собою ворота — знакъ, что Святославъ рѣшился дать битву на жизнь и смерть, или побѣдить или умереть. Руссы построились въ густой боевой порядокъ и опустили копьѣ, императоръ вывелъ свои полки. Началась битва жаркая и едва-ли не самая упорная изъ бывшихъ подѣ Доростоломъ, не исключая и первой. Сначала бой начался у городской стѣны, и не смотря на всѣ усилія Римлянъ прорвать ряды Руссовъ, послѣдніе взяли верхъ, и Греки начали отступать. Іоаннъ Цимисхій поспѣшилъ съ отрядомъ войскъ къ отступавшимъ и всѣми мѣрами ободрялъ ихъ. Видя утомленіе сражавшихся воиновъ своихъ, онъ приказалъ принести мѣха съ водою. Войска, освѣжившись, возобновили усилія; но все было напрасно. Тогда Іоаннъ Цимисхій отдалъ приказаніе отступить далѣе. Руссы преслѣдовали Грековъ, какъ видно по ходу дѣла, вплоть до лагеря. Здѣсь снова началась жестокая сѣча, въ которой едва не погибъ одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ Цимисхія, Феодоръ Мисеіапининъ. Битва на нѣкоторое время пріостановилась; императоръ, видя, какъ говоритъ Кедринъ, что Руссы сражаются еще храбрѣе, рѣшился кончить дѣло единоборствомъ и послалъ Святославу вызовъ на поединокъ. На этотъ вызовъ Святославъ отвѣчалъ: „Я знаю самъ лучше моего врага, что мнѣ полезно. Если-жъ Іоанну жизнь надобѣла, то въ его власти находится много другихъ средствъ, ведущихъ къ смерти: пусть избираетъ любое!“ Императоръ, получивъ этотъ отвѣтъ, приказалъ магистру Вардѣ Склиру зайти Руссамъ въ тылъ, и въ то же время Анемасъ, убившій Икмора, бросился на Святослава и ударилъ его мечемъ по головѣ; но шлемъ спасъ Святослава, и Анемасъ былъ изрубленъ Руссами на мѣстѣ. Битва закипѣла снова, и снова Руссы потѣснили Грековъ; но поднялся сильный вѣтеръ, дувшій въ глаза Руссамъ, которые въ то же время увидѣли, что Варда Склиръ заходитъ имъ въ тылъ. Это заставило Руссовъ прекратить битву и отступить въ городъ. Такъ кончился этотъ послѣдній бой. (Планъ этой битвы см. у Черткова).

Общій ходъ битвы и главные моменты оной почти одинаково изображены, какъ у Льва Діакона, такъ и у Кедрина. Есть разница въ послѣдовательности отдѣльныхъ эпизодовъ, и это зависитъ отъ

того, что у Кедрина болѣе подробностей, и притомъ, такого характера, который ручается за ихъ достовѣрность. Но освѣщеніе фактовъ у того и другаго историка одинаково,—все подернуто обычнымъ колоритомъ хвастовства. На этотъ-то предметъ мы и обратимъ вниманіе. Мы займемся только Кедринѣмъ, ибо, при одинаковой сущности дѣла, онъ болѣе сообщаетъ подробностей. Кедринъ, сказавъ, что въ началѣ боя Греки стали отступать, и что вслѣдствіе того императоръ приказалъ привести мѣхи съ освѣжающимъ питьемъ, продолжаетъ: „Но Руссы все также храбро сражались *и успѣхъ битвы былъ равный съ обѣихъ сторонъ*. Императоръ, примѣтивъ, что по тѣснотѣ мѣста, *выгода сраженія остается на сторонѣ Руссовъ, и они наносятъ Римлянамъ большой вредъ*, приказалъ отступить отъ городскихъ стѣнъ“, и проч. Замѣьте это явное противорѣчіе: то бой былъ равенъ съ обѣихъ сторонъ, то выгода сраженія оставалась на сторонѣ Руссовъ! И все это стоитъ почти рядомъ! „Вожди исполнили приказаніе императора (то-есть, отступили); а Руссы, *принявъ отступление за настоящее бѣгство, съ крикомъ побѣждали за нашими*“. Какимъ образомъ отступление совершенно покойное можно было принять за бѣгство? „Римляне, дошедъ до назначеннаго мѣста (до укрѣпленнаго лагеря?), обернулись назадъ и храбро напали на Руссовъ“. Если Римляне, то-есть, Греки, притворно отступали къ назначенному мѣсту, то можно было бы предполагать, что они или завладутъ Руссовъ въ засаду, или, подкрѣпившись новыми силами, быстро обернувшись, погонять Руссовъ назадъ,—ничуть не бывало! „Здѣсь началась жестокая сѣча“. Все показываетъ, что отступление было невольное; любопытенъ эпизодъ о богатырствѣ Θεодора Μισοϊανινα, который, *схвативъ за поясъ одною Скиѣю*, двигалъ его, подобно щиту (!!!), то въ одну, то въ другую сторону и ограждался имъ отъ бросаемыхъ Руссами копій. Греки спасли Θεодора Μισοϊανινα: „послѣ этого обѣ стороны прекратили битву, не одержавъ одна надъ другою побѣды“. Но слѣдующія слова Кедрина показываютъ, что перевѣсъ былъ на сторонѣ Руссовъ; онъ говоритъ: „Императоръ, видя, что Руссы сражаются еще храбрѣе, чѣмъ прежде, и сожалѣя о трудахъ, перенесенныхъ Римлянами, хотѣлъ скорѣе окончить войну посредствомъ единоборства“. Почему являются тутъ эти слова, что Руссы сражаются еще храбрѣе? Почему Іоаннъ Цимисхій, человѣкъ твердаго характера, не предвидя успѣха, предлагаетъ единоборство? Эти вопросы разрѣшаются слѣдующими словами Кедрина: „Тогда началось кровопролитное сраженіе: съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно, побѣда попе-

ремѣнно ласкала тѣхъ и другихъ и долго оставалась не рѣшеною“. Тутъ слѣдуетъ эпизодъ объ Анемасѣ и затѣмъ буря; но здѣсь любопытны слѣдующія слова: „Говорятъ, что въ это время Богъ заступился за Римлянъ: ибо возставшая неожиданно съ юга буря ослѣпила Руссовъ и препятствовала имъ свободно дѣйствовать“. Затѣмъ явленіе св. Θεодора. Видно, что Греки были въ отчаяніи, и только буря и маневръ Варды Склира, заходившаго въ тылъ Руссамъ, кончили битву. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее: буря помѣшала полному пораженію Грековъ; но они приписали себѣ побѣду, потому что опасеніе быть обойденными съ тыла въ такую бурю, когда ни зги не было видно, заставило Руссовъ оставить поле битвы. Думалъ ли Святославъ пробиться? Не думаемъ, ибо ему нужно было плыть по Дунаю и морю, гдѣ стоялъ греческій флотъ съ огнеметательными триремами. Слѣдовательно, Святославу нужно было не пробиться, а одержать полную побѣду и заставить Цимисхию оставить Болгарію. Этого не удалось; точно также не удалось и Цимисхию уничтожить Руссовъ до единого. Въ битвахъ перевѣсъ чаще склонялся на сторону Святослава, чѣмъ на сторону Цимисхія, и этимъ только можно объяснить, какимъ образомъ Іоаннъ Цимисхій, имѣвъ огромное войско, выпустилъ Святослава.

Положеніе Руссовъ въ Доростолѣ, можетъ-быть, въ ту пору и не вполне извѣстное Цимисхию,—но все-таки онъ долженъ былъ о немъ что-нибудь да знать,—положеніе это было весьма затруднительно. Объ этомъ единогласно говоритъ и Кедринъ, и наша лѣтопись. „Непріятель“, разказываетъ Кедринъ, „терпѣлъ голодъ, и всѣ средства къ полученію съѣстныхъ припасовъ были ему преграждены Римлянами, корабли которыхъ возбраняли всякій выходъ Истромъ изъ Доростола“.

Другаго пути, разумѣется, не было, и потому борьба подъ Доростоломъ имѣла такой характеръ: Святославъ употреблялъ всѣ усилія разбить Цимисхию на голову, а послѣдній употреблялъ всѣ усилія, или отрѣзавъ Святославу отступленіе въ Доростолъ, истребить всю его дружину и захватить затѣмъ городъ, или принудить къ сдачѣ голодомъ; но ни тотъ, ни другой не достигли своей цѣли. Обѣ стороны истощались въ ужасныхъ усиліяхъ, и если мы взвѣсимъ средства Цимисхія и Святослава, то нельзя не изумляться могучей волѣ и мужеству послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ искусству, съ какимъ онъ при такихъ малыхъ силахъ ни разу не далъ себя отрѣзать отъ Доростола и не разъ приводилъ въ отчаяніе Іоанна Цимисхія; да и въ

послѣдней битвѣ только случайныя обстоятельства спасли Іоанна Цимисіа отъ пораженія.

„Напротивъ того“, продолжаетъ Кедринъ, „императорскій станъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка; обиліе всѣхъ благъ ежедневно стекалось къ нашимъ воинамъ, и свѣжія войска, какъ пѣхотныя, такъ и всадники, подкрѣпляли римское ополченіе и замѣняли убитыхъ“.

Слова, въ высшей степени интересныя въ устахъ греческаго писателя и лучше всего опровергающія мнимыя побѣды Грековъ: ибо, при такихъ огромныхъ средствахъ, Іоаннъ Цимисіій принужденъ былъ не только выпустить Святослава изъ Доростола, но относительно положенія послѣдняго заключить съ нимъ выгодный миръ. Могло ли-бѣ это случиться, еслибы Святославъ потерпѣлъ столько поражений, сколько насчитываютъ ихъ Левъ Діаконъ и Кедринъ?

Руссы не могли даже на челпокахъ пробраться скрытно въ свою страну, потому что всѣ пути были сильно оберегаемы Римлянами. При такихъ-то обстоятельствахъ Святославъ собираетъ совѣтъ. Левъ Діаконъ и Кедринъ говорятъ, что этотъ совѣтъ былъ собранъ передъ послѣднею битвою; по лѣтописи же нашей видно, что за совѣтомъ сейчасъ послѣдовалъ миръ. Судя по Льву Діакону и Кедрину, можно скорѣе подумать, что дѣло идетъ о знаменитой рѣчи Святослава передъ битвою при Адріанополѣ; но рядомъ съ этимъ попадаютъ и такія мысли, которыя совпадаютъ со словами Святослава (по лѣтописи) передъ заключеніемъ мира.

По Льву Діакону дѣло было такъ: Святославъ созываетъ совѣтъ; одни совѣтовали ночью бѣжать, другіе—иступить въ переговоры; Святославъ отвѣчалъ: „Если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ, то лишимся славы, всегда сопровождавшей наше оружіе, которое до сихъ поръ легко побѣждало всѣ сосѣдственные народы и покоряло русскою власти безъ сопротивленія обширныя страны. Вотъ почему намъ, представителямъ обычной храбрости нашихъ предковъ, должно еще разъ вступить въ отчаянный бой съ тою мыслию, что Руссы всегда были непобѣдимы. Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но привыкли возвращаться побѣдителями, или умирать со славою, совершивъ подвиги, достойные храбрыхъ мужей“...

По Кедрину выходитъ то же. Святославъ предложилъ на совѣтѣ „еще разъ вступить въ сраженіе съ Римлянами, дабы отчаяннымъ нападеніемъ опрокинуть ихъ, или если Руссы побѣждены будутъ, то предпочесть славную и блаженную смерть постыдной и презрѣнной жизни. И тѣ, которые спасутъ свою жизнь постыднымъ бѣгствомъ, мо-

гутъ ли спокойно ея наслаждаться, будучи презираемы сосѣдственными народами?"

Въ этихъ рѣчахъ такъ и слышатся слова Святослава передъ Адрианопольскою битвой: „уже намъ нѣкамо ся дѣти.... да не посрамятъ земли Русскіе, но ляжемъ костью ту и мертвый бо срама не имѣеть, аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ....“

Мы уже говорили, почему эта рѣчь не можетъ быть приурочена къ Доростольской битвѣ. Но это сопоставленіе весьма любопытно; ибо, во первыхъ, характеръ Святослава рисуется совершенно одинаково и по греческимъ лѣтописямъ, и по русской, и восточныхъ, здѣсь, можетъ быть, скрывается указаніе на общій источникъ, изъ котораго заимствовали свѣдѣнія и греческія лѣтописи, и русскія.

Но что касается до совѣщанія, то оно несомнѣнно происходило передъ заключеніемъ мира, и тутъ явный пропускъ въ лѣтописи замѣтенъ еще болѣе. Этотъ пропускъ, отъ битвы при Адрианополѣ до Доростольской осады включительно, явно зависитъ оттого, что объ этихъ событіяхъ не дошло до лѣтописца свѣдѣній ни изъ источниковъ, которыми онъ пользовался, ни изъ преданій. Этими только и можно объяснить ошибку, вкравшуюся въ лѣтопись: „и послы слы ко цареви въ Деревѣстръ, (бѣ бо ту царь)“. Намъ положительно извѣстно, что Цимисхія въ Доростолѣ тогда уже не было, и что когда заключали миръ, то въ Доростолѣ былъ Святославъ, а не Цимисхій. Явно, что до лѣтописца достигъ какой-то темный слухъ о томъ, что миръ заключенъ былъ или въ Доростолѣ, или около Доростола — и только. Но вопреки этому, Чертковъ думалъ, что Шлецеръ былъ правъ, принявъ Деревѣстръ за Доростолъ, только сдѣлалъ нелѣпное заключеніе, что Доростолъ былъ взятъ Греками, о чемъ не умолчали бы греческіе лѣтописцы.

Вылазки и кровавыя битвы подъ Доростоломъ дорого стоили и Грекамъ, и Руссамъ. „Видѣвъ же мало дружины своей, рече въ собѣ: *Еже како прельстивше* избьютъ дружину мою и мене“. Слова весьма замѣчательныя, вполне согласныя съ характеромъ Святослава: не силы боялся онъ, а хитрости, обмана, какъ-бы предчувствуя, что погибнетъ отъ хитрости враговъ, или лучше сказать, зная себя и надѣясь на себя, онъ былъ въ себѣ увѣренъ, что съ силой онъ справится; хитрость, засада, опасная для большой дружины, еще болѣе могла быть опасною для малой дружины, обезсиленной потерями. „Вѣша бо мнози погибли на полюу и рече: Поиду въ Русь, приведу боле дружины“. Въ этихъ словахъ вполне обнару-

живается причина заключенія мира: истощеніе дружины, вслѣдствіе потерь, заставляетъ Святослава мириться; но онъ не думаетъ оставить своего намѣренія покорить Болгарію, явно—ему хочется только собраться съ силами. Едва-ли бы такъ было, еслибы Святославъ дѣйствительно потерпѣлъ рядъ пораженій.

„И посла слы ко цареви въ Деревъстръ (бѣ бо ту царь), рѣка сице: „хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь“. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары болши первыхъ“. О радости Іоанна Цимисхія свидѣлствуютъ и греческіе лѣтописцы. Левъ Діаконъ говоритъ: „Іоаннъ съ радостію согласился на это предложеніе“ и далѣе прибавляетъ: „и приказалъ выдать на каждого Скиѳа по двѣ медимны хлѣба“. Кедринъ говоритъ, что императоръ согласился на мирныя предложенія Святослава и сказалъ: „Мы, Римляне, обыкновенно побѣждаемъ своихъ враговъ болѣе благодѣяніями, чѣмъ оружіемъ“. Конечно, всякій видитъ, что эта риторическая фраза придумана самимъ Кедринымъ. Но и подъ этою риторикой ясно видно, что Іоаннъ Цимисхій быстро согласился на заключеніе мира, чтобъ отдѣлаться отъ опаснаго врага.

„Святославъ же прія дары и поча думати съ дружиною своею, рѣка сице: „Аще не сотворимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедши оступятъ ны въ градъ“. Что значать сіи слова? Мы думаемъ, что дружины у Святослава было болѣе, чѣмъ могъ думать Іоаннъ Цимисхій, и что Святославъ боялся, чтобъ Цимисхій, узнавъ объ этомъ, не сдѣлалъ новыхъ усилій, еще болѣе не стѣснилъ бы Руссовъ въ Доростолѣ.

Далѣе по лѣтописи, Святославъ говоритъ: „А Русска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ?“. Эти слова согласны совершенно съ словами Кедрина, какъ прекрасно замѣтилъ и Чертковъ: „Собственная страна ихъ была далеко, а сосѣдственные народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ“. Затѣмъ приводитъ еще слова, Святославъ говоритъ дружинѣ: „Но сотворимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова изъ Руси, совокупивше вой, умноживши, поидемъ Царюгороду“.

Изъ этихъ словъ видно, что Іоаннъ Цимисхій обѣщался платить дань: „се бо нынѣ поданъ яли“ и далѣе: „аще ли почнетъ не управляти дани“. Греческіе лѣтописцы хотя прямо о дани, разумѣется, не говорятъ, но у Кедрина есть выраженіе, которое подтверждаетъ нашу лѣтопись, именно, что Святославъ просилъ принять его въ число союз-

никовъ, на что императоръ и согласился, сказавъ вышеприведенныя нами слова: „Мы, Римляне, обыкновенно *побѣждаемъ своихъ враговъ больше благодареніями, чѣмъ оружіемъ*“. Византійскія благодѣянія извѣстны; что же касается до словъ: „просилъ принять въ число союзниковъ“, то всякій, конечно, знаетъ, что союзниками у Византійцевъ назывались народы, которымъ они платили дань.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о договорѣ, заключенномъ между Святославомъ и Цимисхіемъ:

Вотъ условія, о которыхъ говоритъ Левъ Діакопъ: 1) Тивроскины уступятъ Доростолъ Римлянамъ; 2) выдадутъ плѣнныхъ; 3) выйдутъ изъ Мизіи и возвратятся въ Русь; 4) Римляне не будутъ мѣшать походу и помогутъ хлѣбомъ; 5) будутъ считать друзьями Руссовъ, которые прибудутъ для торговли въ Царьградъ, какъ было установлено въ древнія времена.

Кедринъ говоритъ короче: „Онъ (Святославъ) просилъ императора принять его въ число своихъ союзниковъ и позволить ему безпрепятственно возвратиться на Русь, а Руссамъ приходитъ въ Римскія области для торговли“.

По нашей лѣтописи не видно, чтобъ означенный договоръ былъ невыгоденъ для Руссовъ. Въ этомъ договорѣ ничего не говорится о торговлѣ Руссовъ въ Константинополѣ; но пятый пунктъ у Льва Діакона (пункты мы поставили для ясности) показываетъ, что все осталось по старому. Договоръ Святослава съ Цимисхіемъ имѣетъ особенный характеръ, такъ-сказать, личный, — все дѣло сводится къ тому, что Святославъ обѣщаетъ не нападать на владѣнія императора и даже помогать, когда другіе будутъ нападать.

„Яко николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вси, ни языкъ, ни иного приведу на страну вашу и елико есть подѣ властью греческою, ни на власть Корсунскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарску: да аще кто инъ помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ“. Далѣе слѣдуетъ клятва.

Изъ сличенія этого договора съ вышеприведенными словами Льва Діакова видно, что въ дѣлахъ торговыхъ все осталось по прежнему, но что съ Святослава взята была клятва не нападать болѣе на Греческія земли. Дань, извѣстныя льготы Руссовъ не вошли въ договоръ, какъ дѣло обыкновенное, признанное. Что дѣло было такъ, это видно изъ того, что старія льготы не были отмѣнены въ этомъ договорѣ.

Чрезвычайно замѣчательны слова, поставленныя въ началѣ дого-

вора: „Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнелдѣ“ и проч. Совершенно справедливо замѣчаетъ Чертковъ: „Ясно, что былъ прежде и въ эту же войну съѣздъ, совѣщаніе уполномоченныхъ и договоръ на хартіи, ибо о словесныхъ договорахъ не стали бы упоминать въ послѣднемъ договорѣ“. Другое-то *совѣщанье* (то-есть, письменный договоръ, по замѣчанію Черткова) было именно послѣ Адрианопольской битвы, что подтверждаетъ и наша мысль о дарахъ и о безопасности Святослава, побѣдителя въ Адрианопольской битвѣ.

Е. Бѣловъ.
